

3. Творонич Г. Нравственный мир героя: белорусская и югославская военная проза 60—70-х годов. Минск : Наука и техника, 1986. 127 с.
4. Иванова Л. Литература о войне в идейно-художественных исканиях современной прозы // Великая Отечественная война в современной литературе. М. : Наука, 1982. С. 52—79.
5. Адамовіч А. Почему мы не можем не писать о войне : собр. соч. : в 4 т. Минск : Маст. літ., 1982. Т. 3. С. 513—525.
6. Леонов Б. Свет подвига. М. : Совет. Россия, 1985. 352 с.
7. Адамовіч А. Почему мы не можем не писать о войне. С. 518.
8. Вайноў народжаны: роздум над творчасцю Барыса Сачанкі / С. Андраюк [і інш.] // Роднае слова. 2011. № 5. С. 3—8.
9. Адамовіч А. Хатынская апавесць. Мінск : Нар. асвета, 1976. 205 с.
10. Баршчэўскі Л. П., Васючэнка П. В., Тычына М. А. Беларуская літаратура і свет / пад рэд. Л. П. Баршчэўскага. Мінск : Радыёла-плюс, 2006. 596 с.
11. Локун В. Кругі жыцця — кругі літаратуры. Мінск : БелАКК, 2002. 272 с.
12. Бочаров А. Человек и война. М. : Совет. писатель, 1978. 478 с.
13. Как создавалась повесть «Сотников» / В. Быков [и др.] // Литературное обозрение. 1973. № 7. С. 100—102
14. Быкаў В. Сотнікаў. Абеліск. Мінск : Маст. літ., 1972. 264 с.
15. Там жа. С. 6.
16. Там жа. С. 6.
17. Там жа. С. 7.
18. Там жа. С. 50.
19. Там жа. С. 165.
20. Баршчэўскі Л. П., Васючэнка П. В., Тычына М. А. Беларуская літаратура і свет. С. 428.
21. Быкаў В. Сотнікаў. Абеліск. 264 с.
22. Там жа. С. 106.
23. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 6 т. / рэдкал.: Ф. І. Савіцкі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2002. Т. 4.

УДК 008

Л. К. Кухто

Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск

ОСМЫСЛЕНИЕ АРОМАТОВ И ЗАПАХОВ В КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Введение. Феномен ароматов и запахов как неотъемлемая часть жизни человека привлекает сегодня пристальное внимание естествоиспытателей, социологов, философов, филологов и культурологов. Спустя 2 500 лет более или менее интенсивного исследования органов обоняния человека мы приблизились к тому моменту, когда наши знания можно применять не только на практике, но и для научного обоснования этнокультурных традиций применения запахов и ароматов. В романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» утверждается: «Кто владеет запахами, тот владеет сердцами людей». И это во многом соответствует действительности. Запах помогает хранить воспоминания надёжнее, чем зрение и слух. Человек способен распознавать больше оттенков запаха, чем звуков. Очевидно, что сегодня на запахе может быть основана реклама, которая незаметно для вашего сознания заставляет вас приобретать навязываемый продукт. Запахи используются в медицине: в терапии больных, как успокаивающие и тонизирующие средства, для улучшения памяти и внимания, коррекции психических расстройств. Парфюмеры пытаются применять новые сочетания ароматных веществ для изготовления духов, создающих определённое настроение. Ароматерапия делает ароматы неотъемлемой составляющей вашей жизни, предлагая свои запахи на все случаи, чтобы мы даже будучи оторванными от привычной обстановки, могли наслаждаться любимым запахом, обретая комфорт и уверенность. Бизнесмены настойчиво требуют от учёных составлять ароматные смеси, которые могли бы влиять на представителей конкурирующей фирмы во время деловых переговоров (естественно, что параллельно предполагается разработка «антидота», позволяющего самим заказчикам избегать пагубного воздействия). Можно утверждать, что причина всеобщего интереса к проблеме использования запахов и ароматов — востребованность подобной информации и наличие реальных возможностей с её помощью изменить жизнь к лучшему.

Основная часть. Идея, что запахи могут обладать большой силой, влияя на здоровье и самую жизнь человека, зародилась очень давно. На многих языках слова «колдун», «чародей» или «ведьма» происходят от терминов, означающих «обонять зло». Для исследователей открывается обширное поле деятельности: почти во всех известных языках «обонятельные» слова и выражения очень экспрессивны и многозначны, причём нередко они используются в ситуациях, к обонянию, казалось бы, отношения не имеющих. В английском слово “sweet”, означающее «душистый, благоуханный», может переводиться также как «любимый, милый, дорогой» и иметь множество других значений. “Scent” означает «запах, аромат, духи» и вместе с тем — «нюх, чутьё» как в прямом, так и в переносном смысле (предчувствие, интуиция). “Odour” — «запах, привкус», и он же — «репутация, слава». Примерно та же картина с немецким словом “Geruch”, которое означает «слухи, молва, толки» «распространитель слухов» (попросту говоря, сплетник). В итальянском языке есть глагол “sapere” со значением «пахнуть», точнее, «иметь запах (вкус) чего-либо, отдавать чем-либо». При этом первое словарное значение глагола “sapere” — «знать». Впрочем, не исключено, что это просто омоним слова “sapere”, означающего «вкус» [1, с. 132].

В отличие от итальянского в русском языке связь между обонянием и познанием очевидна: «разнюхать» в смысле разузнать; «этим здесь и не пахнет» — о достоверном отсутствии чего-либо; «держат нос по ветру» —

быть в курсе происходящих событий или подстраиваться под них со знанием дела; «пахнет жареным, пахнет керосином» — все эти иносказательные выражения общеизвестны и в расшифровке не нуждаются. С виду это всего лишь забавная игра слов, однако она может быть источником серьёзных и вполне научных выводов. Почти все термины, означающие запахи и связанные с ними действия или переживания, имеют выраженную эмоциональную окраску — именно поэтому их так удобно применять в «необонятельных» ситуациях: слова эти, зачастую лишь очень приблизительно обозначающие запах, предельно ярко и чётко характеризуют то состояние, которое возникает у человека под его воздействием. В этом случае история языка может быть использована как летопись, в которой зафиксированы роль запахов в человеческой жизни и отношение к обонятельным впечатлениям, эмоциональный опыт, характерные для разных стран и эпох.

Кроме этого, мы можем проследить древнейшие традиции — использование ароматов для привлечения людей или желаемых событий, для отпугивания врагов, демонов и злых духов, как это делали, например, в Египте и других древних культурах. С древних пор запахи были средством оболыщения. Этим искусством владела Клеопатра, в её распоряжении была целая парфюмерная лаборатория. Она точно знала, каким ароматом надо умастить волосы, каким руки, каким губы, чтобы её поцелуй не забывался никогда.

Стоит отметить, что чем лучше человечество осознавало значение обоняния, тем чаще становились попытки исследовать пахучие вещества и чувствительность к ним людей. С помощью ароматических средств издавна привлекали внимание человека не только в повседневной жизни, но и в религиозной. Греки считали, что природные от совершенно особого сочетания земли и солнечного тепла ароматические вещества — дар дикой природы, который люди присваивают себе особыми приёмами; цель этих приёмов — соединить далёкое и близкое, связать верх и низ. Хотя многие из ароматических растений сегодня возделываемые культуры, в древнегреческом мире они играли тройную роль: это приправы, культовые благовония и афродизиаки. Такие вещества, как ладан и мирра, использовались для производства мазей и благовоний и во время ритуальных жертвоприношений, посвящённых культу небесных сил.

Один из мифов, связанных с ладаном, позволяет нам обнаружить первое значение ароматических веществ в сфере культовых практик. Чтобы отомстить Солнцу, которое раскрыло её незаконные любовные связи, Афродита влюбила его в Левкотою, дочь Оркама, персидского царя, который властвует над Страной ароматов. Царь, разъярённый тем, что Солнце посмело соблазнить его дочь, решает скрыть её от любовника: он прячет её в глубоком рву, который приказывает засыпать песком. Когда Солнце хочет освободить её, уже слишком поздно: его лучи не могут согреть девушку. Тогда Солнце обрызгивает тело Левкотой благовонным нектаром и даёт ей следующее обещание: «Ты вознесёшься на небо, несмотря ни на что». «Тотчас же тело, пропитанное нектаром божественного происхождения, растворяется, наполняет землю своим благоуханием, и, пробиваясь сквозь комья земли, в которую уже пущены корни, поднимается стеблем ладана, который разламывает могилу своей верхушкой». Наказанию, которому отец подверг свою соблазнённую дочь, чтобы разлучить её с любовником и поместить как можно дальше от Солнца, соответствует превращение обречённого на гниение тела в свою противоположность, в ароматическое растение: рождённое Солнцем и предназначенное для того, чтобы снова к нему вернуться, оно позволяет двум влюблённым соединиться вновь, сблизившись ещё теснее, чем раньше. Именно таково значение воскурений ладана и мирры, с которых в Греции начинается ритуал жертвоприношения, ароматы предназначались для того, чтобы привлекать богов, соединять Низ и Верх. Брошенные на жертвенный огонь в виде тщательно измельчённых зёрен или лепёшек, ладан и мирра устанавливают связь между двумя мирами (вертикальную связь), неизбежно отделёнными друг от друга, — миром людей и миром богов. Доказательством тому служит важность понятий дыма и запаха в самых древних описаниях культа, посвящённого богам [2].

Проблема использования запахов и ароматов в Древней Греции была довольно популярной. Так, в V веке до н. э. Алкмеон был уверен, что нос служит только для втягивания пахучих веществ в мозг, подобно тому как зрение является результатом прохождения огня через глаз. Примерно веком позже свой вклад в ольфактологию внёс Платон. По его мнению, жилы в нашем теле, которые предназначены возбуждать определённый запах, слишком тесны для частиц земли и воды, но слишком просторны для частиц огня и воздуха, а потому никто и никогда не мог обонять собственного запаха какой-либо из этих стихий, запахам даёт жизнь то переходное состояние, которое возникает, когда вода претворяется в воздух либо, напротив, воздух в воду. За Платоном последовал Аристотель, который сделал огромный шаг вперёд: он пришёл к выводу, что обонятельные рецепторы расположены внутри носа, и проводил аналогии между обонянием и вкусом. Аристотель счёл обонятельные ощущения менее определёнными, нежели вкусовые, но отмечал, что некоторые запахи соответствуют вкусовым качествам. Он выделял запахи сладкие, кислые, острые, терпкие и сочные, а также зловонные (запах сероводорода, который он сравнивает с горьким вкусом). Совершенно замечателен тот способ, которым древние греки пытались объяснить, почему одни запахи приятны, а другие отвратительны и даже могут обладать раздражающим действием. Атомисты Демокрит и Эпикур пришли к выводу, что приятные запахи вызываются гладкими, округлыми частицами, в то время как ощущения резких и неприятных запахов возникают при воздействии неровных, кривых или «крючковатых» атомов, которые ранят и разрывают проходы в стимулируемых областях.

В период Средневековья были предприняты попытки классифицировать запахи, однако они сразу же натолкнулись на большие трудности. По мере преодоления средневековых ограничений в развитии науки не только возникали новые идеи, но и непрерывно пересматривались античные представления. Отчасти эта тенденция сохранилась и в эпоху Возрождения, когда велись бесконечные и весьма темпераментные дискуссии о том, какая именно часть тела ответственна за восприятия запахов: носовые ходы, мозг или, возможно, полости (желудочки) мозга. Даже в XVII в. большая часть относительно образованного населения разделяла представления о том, что пахучие вещества могут попадать в мозг, поэтому растущее потребление курительного табака вызывало серьёзное беспокойство.

Французский исследователь Эдм Байярд в 1668 г. написал целый трактат о летучих веществах, а также о том, как они могут повлиять на человека. Альбрехт фон Галлер, чьи труды широко публиковались в XVIII в., выражал удивление по поводу того, что человеческий интерес к частицам, вызывающим обоняние, всегда был так незначителен. Галлер признавал трудность классификации запахов и соглашался с Аристотелем в том, что люди не обладают таким же хорошим обонянием, как большинство диких животных, лишённых человеческой способности к рассуждению и речи. В XVIII в. голландский профессор анатомии и ботаники Фредерик Рюйш описывает особенности восприятия феромонов. Ароматы начинают широко применяться для «ревитализации», или оздоровления, воздуха. Душистые вещества использовались не только потому, что они делали запах человека более приятным и привлекательным, но и ради их предполагаемой способности предотвращать инфекционные болезни. В 1821 г. Ипполит Клоке, французский учёный-медик, написал «Трактат о запахах», рассматривая его в контексте как эволюции научных взглядов, так и социальной истории запахов. Его «Осфрезиология» (по-гречески означает «обонять, пахнуть») стала основным источником «обонятельной» информации для современников и регулярно цитировалась на протяжении всего XIX в. К 1880 г. были получены новые научные данные об анатомии, физиологии и феноменологии обоняния. Однако перед учёными по-прежнему вставали вопросы, ответить на которые казалось невозможным. Шведский учёный Карл Линней (1707—1778) широко известен как выдающийся ботаник и создатель первой рациональной системы живой природы, помимо этого, создал одну из первых классификаций запахов, которая оказала серьёзное влияние на дальнейшие попытки их систематизации. Линней составил ряд из семи основных, по его мнению, запахов: пряный, благовонный, амброво-мускусный, чесночный, козлий, отталкивающий, зловонный. В 1895 г. новую попытку классифицировать запахи делает известный голландский исследователь обоняния Гендрик Цваардемакер. На удивление даже своим современникам, он не находит ничего лучшего, чем взять за основу список Линнея, добавив к нему только два запаха — «горелый» и эфирный [3].

В XX в. наиболее актуальными явились исследования, которые позволяли выявить разные модели гедонистической оценки запахов с этнографической точки зрения, в зависимости от культурной и национальной среды; осуществлены первые попытки сравнения категориальных норм организации запахов. Глубокие исследования обоняния человека проводятся в высокоразвитых урбанистических странах Западной Европы (Австрии, Великобритании, Германии), США и в Японии, где изучаются обонятельные компетенции, воплощённые в знаниях, традициях и представлениях разнообразных культурных универсумов. Исследования ольфакторной лексики, проводившиеся независимо друг от друга, свидетельствуют о схождении в гедонистической оценке запахов многих народов. Многие запахи во всех исследуемых культурах получили однозначно позитивную оценку. К таким аппетитным ароматам относятся растительные запахи банана, мяты, лимона, ванили, вишни, клубники, аниса и винограда. И наоборот, многие запахи (газа, дыма) представители всех стран единодушно относят к негативной части шкалы. Анализ близких гедонистических оценок по регионам позволяет предположить и наличие региональной специфики в сфере ольфакторных предпочтений. Кроме этого, исследования показали, что гедонистические оценки мужчин и женщин в исследуемых культурных группах также оказались сходными.

Заключение. В смыслогенетической одорологии сегодня выделяются следующие закономерности: смысл запаха является одной из составляющих культуры; смыслы ароматов приравниваются к символам духовности и гармонии; сущность запаха заключается в реально-действенных проявлениях.

Место смыслов запахов в культуре определяется их преимуществом перед значениями — генетически смыслы запахов предшествуют значениям запахов; через смыслы природных запахов можно представить картину мира в сознании человека; смыслы запахов имеют социальную обусловленность, так как они представляют индивидуальное освоение опыта разных поколений. Сторонники культурного релятивизма утверждают, что все гедонистические свойства запахов человек усваивает исключительно извне. По их мнению, человек рождается «чистой доской», не имея ольфакторного восприятия, и запахи для него «не имеют значения до тех пор, пока не будут связаны с определённым контекстом» [4, с. 7]. Эмоциональная аура запаха целиком зависит от культурных традиций, особенностей воспитания, пола, возраста, состояния здоровья индивидуума, гигиенических установок, степени терпимости по отношению к Другим — представителям иной расы, религии и контекста. Это позволяет сделать вывод, что исторические смыслы запахов очень подвижны и «объективной» оценки запаха нет и не может быть. Приобщение индивида к культуре может происходить очень рано, через универсальные процессы социализации запахов, основанные либо на закреплении уже существующих гедонистических тенденций, либо на усвоении тенденций новых. Представители противоположного, универсалистского, направления полагают, что индивид может без всякой предварительной подготовки классифицировать запахи и вкусы по принципу психологического деления на приятное и отвратительное. Этой универсалистской концепции сопутствует подход, согласно которому гедонистическая классификация запахов не требует существенных культурных опор (она является функциональной с момента рождения), хотя и остаётся открытой для обучающего воздействия культуры [5].

Таким образом, запахи и ароматы, как эластичная культурная модель, могут получать новое символическое наполнение в зависимости от требований момента. Запах с лёгкостью воплощает наше желание быть другими, меняться и играть. Исследование истории ароматов и запахов может быть плодотворным для выявления и лучшего понимания генезиса и динамики этнокультурного развития.

Список цитируемых источников

1. Ароматы и запахи в культуре : в ? кн. / сост. О. Б. Вайнштейн. Изд. 2-е, испр. М. : Новое литератур. обозрение, 2010. Кн. 1. 616 с.
2. Там же. С. 230.
3. Там же. С. 142.
4. Костяев А. И. Ароматы и запахи в истории культуры. Знаки и символы. М. : ЛКИ, 2007. 142 с.
5. Там же. С. 7.